

Недавно через наш город проехал в Петербург какой-то славной *Выдумщик*. Он рассказывал нам о себе великие чудеса и показывал более ста выдумок, им сочиненных. Между прочими выхвалял он более всех сочинение, в котором он предлагает способ для приохочивания молодых российских господчиков к чтению русских книг. Оно в том состоит, чтобы русские книги печатать французскими литерами. *Г. Выдумщик* уверяет, что сим способом можно приманить к чтению российских книг всех щеголей и щеголих, да и самых тех, которые российского языка терпеть не могут. Он утверждал, что ежели эта его выдумка произведется в действо, то он надеется от сего великого успеха, потому что, по его мнению, французские буквы мягкостью своей очистят всю грубость российского языка. Сей великой человек недолго промешкал в нашем городе и поскакал в Петербург.

1772. «Живописец». Лист 6, стр. 300.

Ты, радость, *беспримерной* автор — *по чести* говорю, *ужесть*, как ты *славен*, читая твои листы, я *бесподобно* *утешаюсь*, как все у тебя *славно*: *слог* *растеган*, мысли *прыгаючи* — *по чести* скажу, что твои листы *вечно* меня *прельщают*, *клянусь*, что я всегда *фельетирую* их без всякой *дистракции*. Да и нельзя не так, ты не грустен, шутишь *славно* и твое перо по бумаге *бегаёт* *бесподобно*. *Ужесть, ужесть*, как прекрасны твои листы! <...> ты всегда стараешься оказывать нам учтивости, не так как некоторый грубиян, сочиня комедию, одну из подруг моих *вытащил* на театр — куда как он много *выиграл*? Я чаю, он надеялся, что все *расхохочутся до смерти*, аи право никто из наших сестер и учтивых мужчин и не улыбнулся, а смеялись только... Он хотел нас одурачить да не удалось. <...> В первой его комедии я сама *до смерти* *захотала*, *ужесть* как *славно* *шпетил* он наших бабушек, а эта комедия такую сделала *дистракцию* и такую *грусть*, что я поклялась *никак* на именины не ездить. Правда, ты и сам *зацепился*, но это шуткою, а за шутки мы *никак* не сердимся, напротив того ты бранишь одних только деревенских дураков да и *беспримерно ужесть* как *славно* ты их *развернул* в 5 листе твоего Живописца. — Ты *уморил* меня, точь в точь *выказал* ты *дражайшего* моего *Папахина*. — Какой это несносный человек! *Ужесть, радость*, как он не *ловко* *выделан*, какой грубиян! Он и со мною хотел поступать так же, как с мужиками, но я ему показала, что я не такое животное, как его крестьяне <...> Я приехала в Петербург, *подвинулась в свет*, *разняла* глаза и *выкинула* весь тот из головы *вздор*, которой *посадили* мне мои родители, поправила *опрокинутое* мое *понятие*, научилась говорить, познакомилась со щеголями и щеголихами и *сделалась* человеком. Но я *никак* не ушла от беды: муж мой в уме *очень* *развязен*, да это бы и ничего, чем глупее муж, тем лучше для жены, но вот что меня *терзает до невозможности*: он *влюблен* в меня *до дурачества*, а к тому ж еще и *ревнив*. Фу! как это не *ловко*, муж *растрепан* от жены, это *радость, гадко!* О если б не помогало мне разумное нынешнее обхождение, то давно бы я *протянулась*. Сказать ли чем я *отвязываюсь* от этого несносного человека? Одними обмороками. — Не удивляйся, я тебе это *растолкую*: как *привяжется* он ко мне со *своими декларациями* и клятвами, что он от любви ко мне *сходит с ума*; то я сперва говорю ему *отцепись*, но он *никак* не *отстает*, после этого *резонирую*, что стыдно и глупо быть мужу *влюблену* в свою жену, но он *никак* не *верит*, и так остается мне одно средство упасть в обморок. Тогда *суется* он по всем углам, старается *помогать* мне, а я тихонько *смеюсь, ужасно*, как *беспримерно* много *помогают* мне обмороки: *божусь!* тем только и *живу*, а то бы он меня *залюбил до смерти, бесподобной* человек! *Подари, радость*, хорошеньким советом, что мне с ним *делать*. <...>

Р. С. *Услуги, радость*, мне, собери все наши модные слова и напечатай их особливую книжкою, под именем *Модного женского словаря*, ты многих одолжишь, и мы твой журнал за это будем превозносить.

1772. «Живописец». Лист 9,⁶ стр. 311—313.

Опыт модного словаря Щегольского наречия

Мужчина, притащи себя ко мне, я до тебя охотница. — Ах, как ты славен! Ужесть, ужесть, я от тебя падаю!.. Ах... Ха, ха, ха.

Ах, мужчина, как ты не важен!

Ах, мужчина, как ты забавен! ужесть, ужесть, твои гнилые взгляды и томные вздохи и мертвого рассмешить могут. Ах, как ты славен, бесподобный болванчик! — Ну, если б сказала я тебе: люблю, так ведь бы я пропала с тобою. — По чести, ты бы до смерти меня залюбил, — не правда ли? Перестань, радость, шутить, это ничуть не славно.

Ха, ха, ха: ах монкюр, ты уморил меня: он живет три года с женою и по сию пору ее любит! Перестань, душенька, это никак не может быть: три года иметь в голове своей вздор. — Ах, как это славно! ха, ха, ха, необретаемые болванчики! — Ах, как он славен, с чужою женою и помахать не смеет — еще и за грех ставит! Прекрасно, перестань лутить, по чести, у меня от этого делается теснота в голове. — Ах, как это славно! ха, ха, ха. — Они до смерти друг друга залюбят. — Ах, мужчина, ты уморил меня<...>

Бесподобные люди! — Она дурачится по-дедовски и тем бесподобно его терзает, а он так темеп в свете, что по сию пору не приметит, что это ничуть не славно и совсем пеловко, он так развязен в уме, что никак не может ретироваться в свет.

Перевод сего примера

Редкие люди! Она любит его постоянно, а он совсем незнающ в щегольском обхождении и не понимает того, что постоянная любовь в щегольском свете почитается тяжкими оковами, он так глуп, что и сам любит ее равномерно.

Беспримерное маханье! Он посадил себе в голову вздор, а у нее вечной в голове беспорядок.

1772. «Живописец». Лист 10, стр. 317—319.

Пречестный отец Тарасий!

Послание твое, еже угодно тебе показася начертати ко мне, аще и недостойному толикия блажности и грешнику сущу, аз получих и егда прочтох его, абие положих е на скрыжали сердца моего, да вразумлюся и поучюся словесем твоим по виегда ходити ми по стопам заповедей твоих. Но оле безумия нашего, поучати бо токмо навыкохом, а не поучатися. Всяк аще и юн сый, дерзно-

венно укоряет брата своего и затыкает ушеса своя, егда рекут ему: ты кто еси судая. Возведи, премудрый старец, очи твои окрест тебе и виждь братию твою. Семо поучают, а идеже поучаются? Онде исправляют, а где исправляются? Не исправятся убо поучаемые, дондеже не исправятся поучающими. Но блюду себе, по словеси твоему, да некако... Прочее не престаю моля твое преподобие, да устроиши вся на пользу души моя, пожеша бо вся, елико же восхощеша. Исповедую бо под всеми, яко грешник есмь, и не имам иное, что принести тебе, токмо сердце чисто и дух сокрушен. Та же со смирением реку тебе словеса священная: удобнее есть вельбуду пройти сквозе иглины уши, неже богатую внити в царствие небесное. Но да не возмнят нещии, яко кошунства единого ради начертах словеса сия: ей, измлада не навычен есмь сему и не явлюся николи же греху сему причастен. Воистину николи же до кончины дней моих, аминь. Целует тя недостойный Живописец.

1772. «Живописец». Лист 21,⁷ стр. 357.

Сие мудреное слово («Вивлиофика» — Ред.) (которого говорить я не могу, да и написать едва мог с великою трудностью) поставил я шутя и нарочно вам в угождение: ибо оное слово, сказывают, взято из глубокой древности, и не знаю кем-то вытасено на свет: но ведаю то, что оно дерет уши, также что оно ни французское, ни русское; поставлено же оно вместо весьма употребительного во Франци и в России слова *Библиотека*. Библиотеку все знают, а Вивлиофики никто не разумет. Сие рассуждение слышал я недавно от одного стихотворца: он прибавил к тому, что сия ересь недавно ввелась между писателями русскими, которых он считает только троих во всей пространной Российской империи. <...> Сей стихотворец рассуждал, что сия новая в письменах ересь вводится к порче, а не к поправлению языка, и что она русскому языку совершенным падением угрожает. Я говорю это по словам его, а не по своему заключению, ибо по чести могу вас уверить, что я русских книг от роду не читывал и не имею, кроме сей: *Les oeuvres de Mr. Lomonosoff*. Сия книга известна под названием сочинений Ломоносовых, но я, избегая стыда, если бы в библиотеке моей русскую книгу увидели, приказал переплетчику заглавие ее поставить по-французски.

1774. «Кошелек». Лист 4,⁸ стр. 491—492.